

УДК 355.01+ 94

Стоянович М.¹**ИСТОРИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ И
УТВЕРЖДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕНТИТЕТА**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**THE HISTORICAL AND CULTURAL ROLE OF WAR IN THE FORMATION AND
ESTABLISHMENT OF NATIONAL IDENTITY**

Tula State University

Аннотация: В статье анализируется многомерное влияние войны как исторического, культурного и символического феномена на процессы формирования, укрепления и трансформации национального идентитета. Рассматриваются механизмы, с помощью которых вооружённые конфликты активируют коллективную память, мифы и коммеморативные практики, одновременно разрушая культурные основания противника и усиливая внутригрупповую солидарность. Особое внимание уделяется двойственной роли насилия в конструировании исторических нарративов, проведении символических границ между «своими» и «чужими», а также использованию мифов и исторических травм для легитимации политических действий. Показано, что война выступает одновременно фактором сплочения нации и инструментом культурного подавления, а коммеморации и мифологизированная история становятся ключевыми ресурсами национального строительства.

Ключевые слова: война, национальный идентитет, историческая память, миф, коммеморация, этнический конфликт, насилие, друг–враг, культурная травма, нациестроительство.

Abstract: The article examines the multidimensional influence of war as a historical, cultural, and symbolic phenomenon on the formation, reinforcement, and transformation of national identity. It analyzes the mechanisms through which armed conflicts activate collective memory, myths, and commemorative practices while simultaneously destroying the cultural foundations of the adversary and strengthening ingroup solidarity. Special attention is paid to the dual role of violence in constructing historical narratives, drawing symbolic boundaries between “us” and “them,” and using myths and historical traumas to legitimize political action. It is shown that war acts simultaneously as a factor of national cohesion and an instrument of cultural

¹ Стоянович Милан - ассистент кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

suppression, and that commemorations and mythologized history become key resources for nation-building.

Keywords: war, national identity, historical memory, myth, commemoration, ethnic conflict, violence, friend–enemy, cultural trauma, nation-building.

Введение

Периоды политических кризисов и вооружённых столкновений характеризуются резким усилением влияния тех факторов, которые и в мирное время цементируют этнические и национальные общности: религии, культуры, традиции, общего исторического прошлого, мифов и легенд. Цель войны далеко не всегда ограничивается захватом территорий и физическим уничтожением людей; во многих случаях она направлена на систематическое истребление культуры, традиций и истории противника, т.е. на полное стирание следов исторического бытия определённой этнической или национальной группы на конкретной территории. Поэтому, рассматривая войну как коллективный опыт, можно утверждать, что её фундаментальное воздействие на жертв осуществляется прежде всего через переживание разрушения того общества, которое воплощено в их истории, идентичности и системе ценностей (Sumerfield, 1996). Оказавшись перед угрозой искоренения собственной культуры и ценностных устоев, люди спонтанно, а подчас и вынужденно начинают идентифицировать себя по этническому или национальному признаку.

1. Культура как связующий ресурс и вместилище памяти

Иная причина выдвижения общей культуры на первый план в кризисные времена заключается в её универсальной связующей силе, ибо культура представляет собой вездесущий, всеохватный, повседневный способ соединения индивидов и групп. Она является непосредственным, осязаемым социальным ресурсом и одновременно сокровищницей исторической памяти, знаком континуитета личного и коллективного идентитета (Williams, 2004, с. 100). Именно через культуру передаются смыслы, позволяющие членам сообщества ощущать свою укоренённость во времени и пространстве.

2. Исторический опыт войны как фундамент идентитета

Любой анализ феномена национального идентитета в современном мире должен опираться на историческую перспективу, ибо то, как мы воспринимаем настоящее, в огромной степени зависит от нашего знания прошлого (Connerton, 1989, с. 2). Исторические нарративы создают рамку, в которую помещается индивид посредством той или иной интерпретации значимых процессов. История нередко передаётся в семье, когда совместный

опыт одного поколения транслируется следующему; этот процесс не обязательно контролируется государством и может порождать версии прошлого, существенно отличающиеся от официальных. Когда «официальная история» вступает в коллизию с индивидуальными воспоминаниями и переживаниями, её власть и влияние оказываются серьёзно ограниченными.

Историческая память теснейшим образом связана с концептом идентитета. Идентитет зависит от памяти, а память, в свою очередь, — от идентитета; оба феномена изменяются во времени и являются политическими и социальными конструктами (Gillis, 1994, с. 3–5). Память представляет собой ту часть общего социального знания, от которой сообщество не отказывается просто так; она — часть идентитета, и никакие доводы о «ложности» или «вымышленности» истории группы не убедят её членов. Напротив, подобные аргументы будут восприняты как нападение на саму группу, что лишь укрепит проведённые вокруг неё границы (Schörflin, 2000, с. 260).

Поскольку значительные периоды истории большинства этнических групп и наций состоят из войн, чужеземных оккупаций и затяжных политических кризисов, а большая часть мировой истории есть история кровопролитий, влияние истории на национальный идентитет в массе случаев оказывается влиянием войны и насилия. Сила этого влияния коренится в колоссальной эмоциональной значимости, которую политическое насилие имеет для человека. Война — редкий социальный феномен, обладающий способностью одновременно созидать и разрушать, сплачивать сообщества и раскалывать их, фактически «стирать» идентитеты, складывавшиеся годами и десятилетиями, и мгновенно заменять их новыми, выкованными в крови. Как подчёркивал У. Джеймс, память о гражданской войне в США, её жертвы и усилия стали для американцев «священным духовным достоянием, более ценным, чем вся пролитая кровь» (James, 1964, с. 21).

Невероятная символическая значимость коллективного насилия в исторической цепи событий делает необходимым анализ этого феномена в сравнительно-историческом ключе. Критикуя сугубо субъективистский подход, Б. Шмидт и И. Шродер подчёркивают, что «ни одно насильственное действие не может быть до конца понято, если не рассматривать его как звено в длительном процессе событий, каждое из которых соотносится с системой культурной структуры, сопоставимой с аналогичными структурами в других местах» (Shroder, Schmidt, 2001, с. 7). Историческая непрерывность войн — как и непрерывность культуры, традиции и верований — служит тому, чтобы проецировать прошлое на настоящее, оправдывая конфликты и мотивируя их участников. Легитимность войны достигается соединением политических и экономических интересов с моральными

императивами, а важнейшим сегментом этой легитимности выступает историческая размерность вооружённых столкновений. Символическое значение прежних войн интерпретируется в настоящем, тогда как текущее насилие порождает символическую ценность, которая будет использована в будущих конфликтах. Войны ведутся из-за памяти и нередко — вокруг памяти, т.е. вокруг возможности утвердить видение прошлого одной группы как единственно легитимное. С этой точки зрения насилие является не только способом урегулирования материальных споров, но и средством созидания общества через навязывание истины и истории одной группы со всеми вытекающими социальными и экономическими последствиями (Shroder, Schmidt, 2001, с. 9).

3. Мобилизующая сила военных воспоминаний и контроль над памятью

Благодаря своей исключительной мобилизующей силе и эмоциональному весу исторические нарративы о войне целенаправленно используются государством и правящими режимами для формирования у населения специфических военных воспоминаний. Войны — будь то выигранные или проигранные — служат не только укреплению национального идентитета, но и трансляции социально желательных ценностей и добродетелей (Ноеркен, 1999). Э. Людендорф ещё в 1936 г. утверждал, что тоталитарная политика должна поставить всю мощь нации на службу войне, а подчинение фундаментальным расовым и духовным законам способно объединить народ, войну и политику, что составляет основу сохранения нации (Ludendorff, 1936, с. 54). На протяжении всей истории государственные лидеры следовали совету, приписываемому Макиавелли, — начинать внешние войны, когда внутренние проблемы становятся слишком острыми; Г. Гёринг выразил ту же мысль лаконично: достаточно сказать людям, что на них напали, и осудить пацифистов за недостаток патриотизма (Kegley, Wittkopf, 2004, с. 432). Д. Моррис цинично заметил, что ничто не помогает лидеру так, как хорошая война: она даёт ему единственную возможность быть тираном и одновременно любимым, отправлять на смерть тысячи последователей и оставаться прославляемым защитником, ибо ничто не укрепляет внутригрупповые связи так, как внешняя угроза (Kegley, Wittkopf, 2004, с. 432).

Контроль над коллективной памятью является ключевым условием эффективного управления обществом. Авторитарный режим стремится установить монополию на этот контроль, рассматривая любой альтернативный источник информации и воспоминаний как угрозу власти. В особых обстоятельствах, таких как война, подобное восприятие максимально интенсифицируется, и всякое воспоминание, не совпадающее с официальной версией событий, приравнивается к акту предательства. В процессе этнической мобилизации исторические элементы деконтекстуализируются и заново интерпретируются

как часть общей легенды о конфронтации, создавая воображаемое пространство внутренней солидарности и внешней вражды. Антагонистический дискурс при этом не выдумывается и не является разрывным в историческом плане, однако фрагменты памяти отделяются и монтируются так, чтобы породить новую дефиницию коллективного идентитета (Shroder, Schmidt, 2001, с. 11).

4. Субъективность памяти, травмы и неразрешённые исторические споры

Даже без целенаправленной манипуляции объективность в анализе эмоционально заряженного исторического опыта остаётся практически недостижимой целью. Каждое коллективное насилие, война и оккупация оставляют после себя жертвы, руины и, что критически важно, огромное количество человеческого страдания, которое врезается в коллективное памятование сообщества и создаёт его историю — как правило, историю его жертв, боли и страданий. Эта история, хотя и основана во многом на реальных событиях и объективных фактах, одновременно эмоционально окрашена и субъективна, что совершенно закономерно. Как подчёркивает Дж. Шёпфлин, если группа считает, что на протяжении истории её унижала другая группа, если она ощущает моральную уязвлённость, чувство несправедливости становится настолько сильным, что устранить его чрезвычайно трудно, кроме как исключительными, почти всегда символическими и ритуализированными методами. В межэтнических спорах, которых немало в Юго-Восточной Европе, обе стороны пытаются легитимировать свои позиции, апеллируя к одному и тому же прошлому, но радикально разной памяти. Единственный выход из такого тупика — не позволять ни одной из сторон использовать исторические воспоминания, однако достичь этого крайне сложно, поскольку прошлое является ключевым компонентом идентитета, который не может быть предметом торга (Schöpflin, 2000, с. 260–261).

Ощущение исторических несправедливостей и мощные образы насилия подпитывают этнические и национальные антагонизмы до тех пор, пока существуют «незакрытые счета» — нерешённые территориальные споры и присутствие враждебных групп на одних и тех же территориях. Сила памяти о насилии заключается в уникальной позиции, которую такие воспоминания занимают во всём социальном памятовании. Насилие создаёт неповторимые переживания, передаваемые через культуру и сохраняемые в коллективной памяти, а их репрезентация служит значимым источником восприятия и легитимации будущего насилия. Не существует более важного источника идеологии насилия, чем репрезентация прошлого насилия, мёртвых, потерь и страданий (Shroder, Schmidt, 2001, с. 8).

В периоды кризисов и крутых общественных перемен политические элиты то и дело

обращаются к определённым событиям прошлого, чтобы придать легитимность своим действиям. Сам конфликт оформляется социальной культурной перцепцией, которая придаёт ситуации особое значение, оценивая её сквозь призму прежних столкновений, сохранённых в коллективной памяти (Shroder, Schmidt, 2001, с. 4). Оправданность противостояния объясняется особой «культурной грамматикой», определяющей ценность и значение материальных и социальных обретений — таких, как честь и престиж; эта грамматика придаёт насильственному конфликту более долговременную значимость и, следовательно, обеспечивает дополнительную мотивационную рамку, выводящую за пределы сиюминутных интересов отдельных участников (Shroder, Schmidt, 2001, с. 5).

5. Формы репрезентации: нарративы, церемонии, медиа

Официальная версия прошлых и текущих конфликтов транслируется посредством нарративов, представлений и записей. Нарративы концентрируются на воспоминаниях о былых столкновениях, акцентируя несправедливости, потери и страдания, причинённые одной группе, либо героизируя её достижения. Представления — «военные церемонии» — играют важную роль в предвоенные и послевоенные периоды, публично демонстрируя антагонистические отношения и прототипические образы насилия. Записи же суть визуальные репрезентации антагонизмов, запечатлённые в культурном ландшафте с помощью форм визуальной коммуникации, прежде всего масс-медиа (Shroder, Schmidt, 2001, с. 9–10). Символизм этих насильственных репрезентаций обладает рядом характерных черт: строго поляризованная структура «мы : они», не оставляющая места для амбивалентности; принцип тотальности, при котором любое действие противоположной стороны воспринимается как угроза или акт агрессии, требующий оборонительных мер; отождествление «нашей» стороны с выживанием и благополучием каждого индивида; моральное превосходство «нашей» цели, не зависящее от исхода борьбы; наконец, описание послевоенного общества в апокалиптических тонах — либо абсолютная победа, либо тотальное поражение (Zulaika, 1998, с. 32–34; цит. по: Shroder, Schmidt, 2001, с. 10–11).

6. Миф и его роль в национальной мобилизации

Прошлое, или его фрагменты, воплощённые в мифах, представляют собой одно из мощнейших «оружий», используемых элитами для манипуляции эмоциями масс, а также для запуска и контроля процессов этнической мобилизации (Smith, 1997, с. 36–38). Те, кто способен оживить миф, могут мобилизовать людей, исключить чужаков, затушевать одни воспоминания и утвердить другие, установить солидарность и укрепить иерархию статусов и ценностей (Schöpflin, 2000, с. 82–83). Э. Морен и вовсе называет миф стержнем нации и национального государства, подчёркивая, что «миф не является надстройкой нации: именно

он создаёт солидарность и общность; он — необходимый цемент всякого общества» (Morin, 2002, с. 110–111). Миф представляет собой почитаемую традицию и глубоко укоренённое культурное понятие, которое постоянно воспроизводится и тем самым вечно обновляется в настоящем. Эти дискурсы находятся в точке «управления значениями», посредством которых культура производится, поддерживается, передаётся и воспринимается (Schöpflin, 2000, с. 90). Миф создаёт интеллектуальную и когнитивную монополию, задавая единственный способ переживания мира и определяя мировоззрение; для существования сообщества как сообщества эта монополия жизненно необходима, поэтому отдельные члены группы обязаны принять миф как таковой (Schöpflin, 2000, с. 80).

Чтобы обладать нацистроительным потенциалом, мифы должны находить отклик в памяти широких народных масс и предлагать ответы на актуальные потребности (Fulbrook, 1997, с. 73–74). При этом верность мифа фактам вторична: его истинная цель — выразить понимание человеком самого себя в мире, поэтому миф следует толковать не космологически, а антропологически, или, ещё лучше, экзистенциально (Bultman, 1996, с. 38). Достаточно, чтобы члены группы принимали его содержание и послание; совместные мифы являются одним из важнейших элементов, отличающих «своих» от «чужих» (Schöpflin, 1997, с. 19–20). Ключевое значение мифа, таким образом, состоит в его роли в процессах «установления границ» и «поддержания границ» (Kolsto, 2005, с. vii). Границы поддерживаются постоянным подчёркиванием «различий и уникальности», чему способствует культивирование исторических мифов, помогающих упорядочить нестройный культурный ландшафт (Kolsto, 2005, с. 3). Миф и мифическая история оживляют общее наследие и играют фундаментальную роль в определении того, «кто мы есть» (Smith, 1996, с. 202).

В периоды политических кризисов и конфликтов использование и контроль над мифами становятся ключевым звеном этнической мобилизации, так как мифы обладают огромной властью пробуждать эмоции и энтузиазм, которые затем могут быть направлены на защиту легитимности и укрепление власти (Schöpflin, 2000, с. 89). Мифы способны легитимировать силу как инструмент перемен, заклеить определённый режим как тиранический и тем самым оправдать насилие против него, дискредитировать компромисс и переговоры как бесчестные и достойные презрения (Schöpflin, 2000, с. 95). Обладание сущностным контролем над мифами, символами и ритуалами — одно из важнейших условий контроля над обществом в целом; выдвигая одни воспоминания и маргинализируя значение других, пропагандируя избранные символы, ценности и модели поведения, власть предрешающие могут укрепить взаимную солидарность и мобилизовать массы (Schöpflin,

1997, с. 22). Неудивительно, что темы борьбы и убийства лежат в основе даже древнейших мифов и традиций, а мифы, рождённые в тяжёлые времена, утверждают высокоэтические ценности: человечность, мужество, сохранение национального идентитета.

Однако использование мифов для сплочения этнической или национальной общности в большинстве случаев одновременно обостряет различия между противостоящими группами. В этнически разделённых обществах мифы почти всегда углубляют существующие размежевания, если только не используются объединяющие мифы, которые выходят за рамки этничности, но такие мифы редки. Гораздо легче прибегнуть к этнической принадлежности как идентификатору и исключить представителей других групп либо поставить их в роль «другого», против которого и ради которого необходима мобилизация (Schöpflin, 2000, с. 85). Когда мифы начинают задействоваться в процессе этнической мобилизации, остановить или хотя бы контролировать его крайне сложно, поскольку он динамичен, поляризующ и, будучи раз запущенным, практически необратим. Язык мифов функционирует внутри сообщества, но не за его пределами; при коммуникации через границы мифы искажают перспективы и сбивают с толку, так как их задача — укреплять внутреннюю солидарность, а не посредничать в контактах с другими (Schöpflin, 2000, с. 86). В предконфликтный период мифы служат конструированию нарративов, которые в момент прямого насилия начнут вносить порядок в хаотичную военную реальность, придавая ей «высший» национальный смысл; мрачная действительность войны преобразуется согласно мифическим сюжетам, реальность упрощается, различия заостряются, контрасты выпячиваются.

7. Коммеморации, национализм и символическая грамматика войны

Хотя совместные воспоминания испокон веков строились преимущественно на военном опыте, появление современного концепта национализма в конце XVIII в. значительно повысило значимость, политическую роль и культурный смысл военных воспоминаний. Военные монументы, торжества, кладбища и иные символические выражения памяти являются не только «местами скорби», но, что гораздо важнее, стали способами сохранения общего национального идентитета, с помощью которых через образование, медиа и публичный дискурс людям напоминают о долге жертвенности нации, взывая к памяти о прошлых войнах (Ноеркен, 1999). Оживление памяти упорядоченным и ритуализированным образом, достаточно регулярным, чтобы церемония стала частью жизни её участников, подтверждает то, что мы считаем морально правильным, и, прежде всего, удостоверяет решающую значимость самого памятования (Schöpflin, 2000, с. 74). Общество без памяти слепо относительно собственного настоящего и будущего, ибо ему недостаёт моральной

рамки для размещения своего опыта; оно легко теряет корни, что само по себе не плохо, но просто банально (Schöpflin, 2000, с. 74).

Коммеморативные церемонии, таким образом, напоминают сообществу о его идентитете и объясняют его прошлое как своего рода «коллективную автобиографию». Они суть наш способ сказать, что мы оставили след, что уже сделали выбор и что этот выбор не может напрямую пересматриваться, так как его пересмотр поставил бы под угрозу целостность сообщества (Schöpflin, 2000, с. 78). Чтобы быть по-настоящему действенными, коммеморации должны стать образом жизни: члены сообщества должны привыкнуть к ним (Connerton, 1989, с. 36–38). Строительство нации невозможно без коммемораций; все новые нации наиболее чувствительны и уязвимы в самом начале, отчего нуждаются в укреплении вдохновляющим «моментом славы» (Connerton, 1989, с. 70–71). Такой момент способен также породить чувство «исторического долга»: нынешние поколения должны ощущать себя обязанными предкам за их жертвы, поддерживать их ценностные системы и при необходимости приносить аналогичные жертвы ради защиты их наследия (Gillis, 1994, с. 8–9). Военная память, следовательно, представляет собой главу в «грамматике национализма», написанной по всей Европе в XIX столетии, и может использоваться различными способами для укрепления чувства принадлежности и патриотизма (Hoerken, 1999).

Симбиотическая связь между национализмом и войной является темой многочисленных исследований в области политического насилия и национальных идеологий. Взаимозависимость национализма и войны проявляется в том, что национализм предоставляет легитимность войне и выбору, который в ней делается, тогда как война выступает конститутивным элементом коллективного идентитета (Jabri, 1996, с. 139–140). Хотя было бы чрезмерным и неверным утверждать, что национализм сам по себе непосредственно вызывает насилие, верно, что он облегчает мобилизацию сообщества на этнической основе и мотивирует людей в периоды кризисов и конфликтов. Как подчёркивает Д. Левинсон, «национализм можно рассматривать через более широкий аспект этноцентрической ориентации ... Как и другие формы этноцентризма, он покоится на жёстком и всепроникающем различии между принадлежащей и не принадлежащей группой» (Levinson, 1964, с. 135). Этноцентрические идеи акцентируют и фокусируются на различиях между этническими сообществами и нациями, нередко выдвигая на первый план мнимое превосходство или угрожаемость определённой нации, тем самым эффективно рационализируя веру в неизбежность войны (Levinson, 1964, с. 135).

Г. Олпорт связывает предполагаемое превосходство некоторых национальных групп, присутствующее в их национальном дискурсе, с концептом «золотого века» — т.е. якобы

имевшего место исторического периода культурного, экономического, военного и т.д. превосходства данной нации. По его словам, каждая культурная группа может сослаться на то, что в её традиции существовал «золотой век», когда она была несомненно выше окружающих народов, и, движимые личной гордостью, мы легко идентифицируем себя с этим веком, склонные определять сегодняшние притязания, исходя из того величия (Allport, 1964, с. 183). Такой этноцентризм является почти универсальным явлением; его корни столь же глубоки, как и наше безграничное самоуважение. Члены группы знают от предков, что их сообществу причинено множество несправедливостей, что границы их страны несправедливо узки, и что их группа, по существу, превосходит другие, а потому заслуживает самого лучшего (Allport, 1964, с. 183). Эта резкая дихотомия, отягощённая историческими и современными обвинениями, может в периоды политических кризисов привести к этнической мобилизации и вооружённому конфликту; ожидание войны проистекает, среди прочего, из скрытого антагонизма к другим группам, которые, возможно, много веков назад нанесли обиду нашим предкам, с которыми мы ныне идентифицируем себя (Allport, 1964, с. 183). Чтобы негативный образ стал общим достоянием и мобилизовал массы, необходимы целенаправленная коммуникация и пропаганда (Allport, 1964, с. 187). Представления, которые мы имеем о других людях, гораздо чаще враждебны, нежели нейтральны или позитивны, и учебники, легенды, традиции, лидеры и масс-медиа объединены в усилия поддерживать эту враждебность, ибо именно такие образы лучше всего отвечают потребности человека цепляться за внутренние островки определённости (Allport, 1964, с. 187).

8. Война как создатель государств и цивилизаций

Влияние войны на общности выходит далеко за рамки воздействия на национальный идентитет; военная память всегда была одним из наиболее эффективных инструментов в стратегии нациестроительства во многих частях мира. Как утверждают видные теоретики национализма, военный опыт находится в числе ключевых условий создания нации, равно как и государства. В немалой степени нации являются продуктами войн, а многие существующие государства представляют собой прямые результаты войн за независимость. Н. Элиас ёмко заметил: «Национальные государства создавались войнами и ради войн» (Elias, 1987, с. 276; цит. по: Ноеркен, 1999). Действительно, трудно найти государство, которое не родилось бы «в крови» и в своей истории не сражалось за новые территории или не оборонялось от завоевателей. Своим нынешним положением и процветанием наиболее могущественные и богатые державы современного мира в огромной степени обязаны войнам, которые они вели и выиграли.

Непосредственная и историческая мощь насилия и войны в роли катализатора крупных общественных перемен беспрецедентна. Своей безжалостной системой отбора на протяжении всей человеческой истории война играла решающую роль в социальной и исторической селекции цивилизации. Некогда великие, могучие и влиятельные государства и народы исчезали в тот момент, когда оказывались неспособны противостоять натиску военно превосходящего противника, сколь бы высокой ни была их культура или социальная организация. Война, таким образом, представляет собой уникальный социальный феномен, который через всю историю обладал способностью создавать и уничтожать государства, народы и целые цивилизации, устраняя «слабых» и расчищая путь «сильным». Только угроза войной могла побудить миллионы людей добровольно рисковать жизнью, надеясь защитить себя, свои семьи и народ, равно как и «высшие ценности» — государство, культуру и религию, к которым они принадлежат. Война быстрее и интенсивнее любого другого фактора насаждала чувство национального самосознания и системы ценностей, жившие затем столетиями, но она же могла в поразительно короткий срок эффективно уничтожить идентитеты, формировавшиеся годами и десятилетиями.

9. Заключение

Историческая и культурная роль войны в формировании и утверждении национального идентитета двойственна и всеобъемлюща. Через разрушение культуры и памяти противника, через конструирование героических мифов и коммеморативных практик, через нагнетание образа «врага» и акцентуацию исторических несправедливостей война одновременно сплачивает «своих» и воздвигает непреодолимые барьеры между группами. Мифы, ритуалы и контролируемая память становятся фундаментом, на котором элиты выстраивают лояльность и мобилизуют массы, а сама война - неизбывный двигатель национального строительства, чья разрушительная и созидательная мощь не имеет аналогов в человеческой истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Allport G.W. The Role of Expectancy // War / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 177–193.
2. Bramson L., Goethals G.W. (eds) War. – New York; London: Basic Books, 1964. – 512 p.
3. Bultman R. New Testament and Mythology // Theories of Myths. Vol. 3 / ed. R.A. Segal. – New York: Garland, 1996. – P. 38.
4. Connerton P. How Societies Remember. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 121 p.

5. Elias N. Die Gesellschaft der Individuen. – Frankfurt: Suhrkamp, 1987. – 330 S.
6. Fulbrook M. Myth-making and National Identity: The Case of the G.D.R. // *Myths and Nationhood* / ed. G. Hosking, G. Schopflin. – London: Hurst & Company, 1997. – P. 73–94.
7. Gillis J.R. Memory and Identity: The History of a Relationship // *Commemorations: The Politics of National Identity* / ed. J.R. Gillis. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 3–24.
8. Hoepken W. War, Memory and Education in a Fragmented Society: The Case of Yugoslavia // *East European Politics and Societies*. – 1999. – Vol. 13, № 1. – P. 1–31.
9. Jabri V. Discourses on Violence: Conflict Analysis Reconsidered. – Manchester; New York: Manchester University Press, 1996. – 204 p.
10. James W. The Moral Equivalent of War // *War* / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 21–31.
11. Kegley C.W., Wittkopf E.R. World Politics: Trend and Transformation. – Thomson-Wadsworth, 2004. – 672 p.
12. Kolsto P. (ed.) Myths and Boundaries in South-Eastern Europe. – London: Hurst & Company, 2005. – 392 p.
13. Kolsto P. Introduction: Assessing the Role of Historical Myths in Modern Society // *Myths and Boundaries in South-Eastern Europe* / ed. P. Kolsto. – London: Hurst & Company, 2005. – P. 1–34.
14. Levinson D.J. Authoritarian Personality and Foreign Policy // *War* / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 133–158.
15. Ludendorff E. The Nation at War. – London: Hutchinson & Co, 1936. – 160 p.
16. Morin E. Pojam nacionalne države // *Teorija politike* / prir. D. Simeunović. – Beograd: Nauka i društvo, 2002. – S. 110–111.
17. Park R.E. The Social Function of War // *War* / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 231–244.
18. Schopflin G. Nations, Identity, Power: The New Politics of Europe. – London: Hurst & Company, 2000. – 404 p.
19. Schopflin G. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // *Myths and Nationhood* / ed. G. Hosking, G. Schopflin. – London: Hurst & Company, 1997. – P. 19–35.
20. Shroder I.W., Schmidt B.E. Violent Imaginaries and Violent Practices // *Anthropology of Violence and Conflict* / ed. I.W. Shroder, B.E. Schmidt. – London: Routledge, 2001. – P. 1–24.
21. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – Cambridge: Blackwell, 1996. – 312 p.
22. Smith A.D. The ‘Golden Age’ and National Renewal // *Myths and Nationhood* / ed. G.

Hosking, G. Schopflin. – London: Hurst & Company, 1997. – P. 36–59.

23. Sumerfield D. *The Impact of War and Atrocity on Civilian Populations: Basic Principles for NGO Interventions and a Critique of Psychosocial Trauma Projects.* – London: Overseas Development Institute, 1996.

24. Williams R.M., Jr. *The Wars Within: Peoples and States in Conflict.* – New Delhi: Manas Publications, 2004. – 322 p.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Allport G.W. *The Role of Expectancy // War* / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 177–193.

2. Bramson L., Goethals G.W. (eds) *War.* – New York; London: Basic Books, 1964. – 512 p.

3. Bultman R. *New Testament and Mythology // Theories of Myths. Vol. 3* / ed. R.A. Segal. – New York: Garland, 1996. – P. 38.

4. Connerton P. *How Societies Remember.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 121 p.

5. Elias N. *Die Gesellschaft der Individuen.* – Frankfurt: Suhrkamp, 1987. – 330 S.

6. Fulbrook M. *Myth-making and National Identity: The Case of the G.D.R. // Myths and Nationhood* / ed. G. Hosking, G. Schopflin. – London: Hurst & Company, 1997. – P. 73–94.

7. Gillis J.R. *Memory and Identity: The History of a Relationship // Commemorations: The Politics of National Identity* / ed. J.R. Gillis. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 3–24.

8. Hoepken W. *War, Memory and Education in a Fragmented Society: The Case of Yugoslavia // East European Politics and Societies.* – 1999. – Vol. 13, № 1. – P. 1–31.

9. Jabri V. *Discourses on Violence: Conflict Analysis Reconsidered.* – Manchester; New York: Manchester University Press, 1996. – 204 p.

10. James W. *The Moral Equivalent of War // War* / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 21–31.

11. Kegley C.W., Wittkopf E.R. *World Politics: Trend and Transformation.* – Thomson-Wadsworth, 2004. – 672 p.

12. Kolsto P. (ed.) *Myths and Boundaries in South-Eastern Europe.* – London: Hurst & Company, 2005. – 392 p.

13. Kolsto P. Introduction: Assessing the Role of Historical Myths in Modern Society // Myths and Boundaries in South-Eastern Europe / ed. P. Kolsto. – London: Hurst & Company, 2005. – P. 1–34.
14. Levinson D.J. Authoritarian Personality and Foreign Policy // War / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 133–158.
15. Ludendorff E. The Nation at War. – London: Hutchinson & Co, 1936. – 160 p.
16. Morin E. Pojam nacionalne države // Teorija politike / prir. D. Simeunović. – Beograd: Nauka i društvo, 2002. – S. 110–111.
17. Park R.E. The Social Function of War // War / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 231–244.
18. Schopflin G. Nations, Identity, Power: The New Politics of Europe. – London: Hurst & Company, 2000. – 404 p.
19. Schopflin G. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // Myths and Nationhood / ed. G. Hosking, G. Schopflin. – London: Hurst & Company, 1997. – P. 19–35.
20. Shroder I.W., Schmidt B.E. Violent Imaginaries and Violent Practices // Anthropology of Violence and Conflict / ed. I.W. Shroder, B.E. Schmidt. – London: Routledge, 2001. – P. 1–24.
21. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – Cambridge: Blackwell, 1996. – 312 p.
22. Smith A.D. The ‘Golden Age’ and National Renewal // Myths and Nationhood / ed. G. Hosking, G. Schopflin. – London: Hurst & Company, 1997. – P. 36–59.
23. Sumerfield D. The Impact of War and Atrocity on Civilian Populations: Basic Principles for NGO Interventions and a Critique of Psychosocial Trauma Projects. – London: Overseas Development Institute, 1996.
24. Williams R.M., Jr. The Wars Within: Peoples and States in Conflict. – New Delhi: Manas Publications, 2004. – 322 p.

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», проф. ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».